УДК 316.334.52+801.311 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-108-119
Original article / Оригинальная статья

Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа

В. Х. Тхакахов✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉atalik7@yandex.ru

Введение. Опираясь на концепцию пространства мест, автор выявляет и анализирует источники, структуру, динамику и механизм постсоветской трансформации урбанонимов столицы РСО – Алании – Владикавказа. Исходным в исследовании является понимание того, что городская топонимика – это символическая форма обустройства и закрепления в городском пространстве социальных практик по конструированию идентичности и памяти. С функциональной точки зрения, урбанонимы Владикавказа выполняют политическую, идеологическую и социокультурную функцию для региона, местных сообществ и титульного осетинского этноса.

Методология и источники. При изучении заявленной темы исследования автор опирался на признанные в мировой социальной науке подходы: концепцию мест памяти П. Нора; теорию социального пространства П. Бурдье; идеи Й. Терборна о роли столиц в обустройстве символического пространства мест; концепцию антропологии места М. Оже. Анализировались исторические атласы и карты Владикавказа различных периодов, труды региональных специалистов по топонимии.

Результаты и обсуждение. Выделяются шесть ключевых направлений топонимических изменений, характерных для осетинской столицы: а) десоветизация; б) деколонизация идеологическая; в) реставрация; г) этнизация («осетинизация», «аланизация»); д) позитивная консервация внутрикавказской матрицы урбанонимов; е) воспроизводство общероссийских культурных и милитарных символов идентичности. Перераспределение структурных компонентов в корпусе столичных урбанонимов осуществляется в пользу антропонимических, этнонимических, культурных и милитарных наименований.

Заключение. Рост количества личностно-именных урбанонимов свидетельствует: 1) о расширении конкуренции между социальными группами – носителями различных видов капитала за символическое присвоение столичного пространства; 2) об углублении регионализации в топонимических практиках; 3) об ориентации на конструирование осетинской (аланской) идентичности и памяти. Сформирована новая символическая карта осетин, в которой репрезентируются их представления и практики о социальной принадлежности и памяти.

Ключевые слова: идентичность, память, урбанонимы, Владикавказ, трансформация, реставрация, символическая карта осетин.

Для цитирования: Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 6. С. 108–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-108-119

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-011-00832 «Трансформация урбанпространства в столицах Северного Кавказа: топонимический передел идентичности и памяти»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.09.2019; принята после рецензирования 02.11.2019; опубликована онлайн 25.12.2019

© Тхакахов В. Х., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Identity and Memory in the Urbanonyms of Vladikavkaz

Valeriy Kh. Tkhakakhov✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉atalik7@yandex.ru

Introduction. Based on the concept of space of places, the author identifies and analyzes the sources, structure, dynamics and mechanism of the post-Soviet transformation of urban names of the capital of North Ossetia-Alania-Vladikavkaz. The starting point of the study is the understanding that urban toponymy is a symbolic form of arranging and consolidating social practices in the urban space for the construction of identity and memory. From a functional point of view, the urbanonyms of Vladikavkaz fulfill a political, ideological and sociocultural role for the region, local communities and the titular Ossetian ethnic group.

Methodology and sources. When studying the claimed research topic, the author relied on the approaches recognized in world social science: the concept of places of memory of P. Nora; the theory of social space P. Bourdieu; ideas of J. Terborn about the role of capitals in the arrangement of the symbolic space of places; the concept of anthropology of the place M. Auger. The historical atlases and maps of Vladikavkaz of various periods and works of regional toponymy specialists were analyzed.

Results and discussion. Six key areas of toponymic changes characteristic of the Ossetian capital are distinguished: a) desovetization; b) decolonization is ideological; c) restoration; d) ethnicization ("Ossetization", "Alanization"); e) positive conservation of the intra-Caucasian matrix of urbanonyms; f) reproduction of all-Russian cultural and military symbols of identity. The redistribution of structural components in the capital city urbanonyms is carried out in favor of anthroponymic, ethnonymic, cultural and military names.

Conclusion. The increase in the number of personalized urbanonyms indicates: 1) the expansion of competition between social groups – carriers of various types of capital for the symbolic appropriation of the metropolitan space; 2) deepening regionalization in toponymic practices; 3) the orientation toward the construction of the Ossetian (Alan) identity and memory. A new symbolic map of Ossetians has been formed, in which their ideas and practices about social affiliation and memory are represented.

Key words: identity, memory, urbanonyms, Vladikavkaz, transformation, restoration, Ossetian symbolic map.

For citation: Tkhakakhov V. Kh. Identity and Memory in the Urbanonyms of Vladikavkaz. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 6, pp. 108–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-108-119 (Russia).

Source of financing. The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-011-00832 "The transformation of urban space in the capitals of the North Caucasus: a toponymic redistribution of identity and memory").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.09.2019; adopted after review 02.11.2019; published online 25.12.2019

Введение. Урбанонимы – видимая часть символического пространства любого города. Изобретенные как визуальная форма различения, дифференциации и упорядочивания городского пространства, со временем они приобрели и другие функции – идеологические, политические и социокультурные. Длительный период урбанонимы не имели официального статуса, а когда он появился, они попали под контроль властей различного уровня и стали превращаться в объект и продукт политики – национальной, культурной, этнорегио-

нальной. Городская топонимика стала отражением истории и географии места, страны и мира. Городская топонимика как некая совокупность корпуса урбанонимов стала приобретать антропонимический, гидронимический, идейно-событийный и нумерологический характер. Идеологические и политические практики превратили городскую символику в материализованную форму самопредставления государства, общества и местных сообществ; в хранилище памяти о прошлом и настоящем; в поле битвы за интерпретацию реальности, за ее передел или консервацию. В итоге в процессе совместной жизни индивиды и группы стали формировать определенное отношение к городскому пространству – они его стали социально обозначать. «То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально размеченным и сконструированным» [1, с. 53].

Урбанонимы были включены в общий процесс мемориализации. Однако мемориализация в урбанонимах существенно отличается от иных форм увековечивания исторической и коллективной памяти о значимых персонах и событиях. В первую очередь, урбанонимы как видимые символы городского пространства имеют свои материальные носители; занимают места (физические) в городе; являются «участниками» коммеморативных практик; обеспечивают воспроизводство социальной иерархии в обществе (скрытая программа символической власти и идентичности). Урбанонимы охватывают практически все городские объекты – улицы, проспекты, площади, бульвары, скверы, переулки и т. п. Наряду с политическими и идеологическими функциями урбанонимы выполняют и культурную роль в городских пространствах. Изучая структуру урбанонимов, механизмы их трансформации, исследователь может анализировать процессы конструирования и воспроизводства идентичности и памяти применительно к тому или иному региону или городу.

Настоящая статья продолжает серию исследований, посвященных процессу топонимического передела идентичности и памяти в столицах Северного Кавказа [2–4]. Наш нынешний кейс связан с выявлением специфики и механизма реализации данных процессов в столице Республики Северная Осетия – Алания – Владикавказе.

Методология и источники. Изучением топонимики, в том числе и городской, давно и плодотворно занимаются историки, географы, филологи, культурологи, краеведы. В меньшей степени это касается социологии и антропологии, которые достаточно поздно проявили интерес к проблемам топонимики в городах. Тем не менее запоздалая научная активность приносит перспективные результаты, обогащая традиционные ракурсы и предметные области зачинателей топонимических изысканий. Раздельные идентификационные и мемориальные исследования со временем приобрели междисциплинарный характер в рамках urban studies и memory studies. Стало ясно, что к изучению урбанонимов как составной части символического пространства можно привлекать различные подходы – социокультурные, неомарксистские, конструктивистские и даже постмодернистские. Не имея возможности подробно разобрать существо сложившихся и признаваемых подходов, отсылаем читателя к специальным обзорам по проблеме [5–8]. Однако, на наш взгляд, схематическое различение и теоретические классификации топонимических практик не исключают возможности привлекать и объединять ресурсы не совпадающих подходов при исследовании конкретных кейсов. Наш небольшой опыт топонимических изысканий применительно к столицам СКФО подтверждает перспективность комбинации социологического, культурно-исторического и культурно-географического подходов при изучении трансформации идентичности и памяти. Последние два понятия в их онтологическом зна-

чении имеют реальные материальные формы воплощения. Они также выступают символами принадлежности (сопринадлежности) к социальной группе, сообществу, обществу.

Целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание еще на один теоретико-эмпирический аспект обсуждаемой проблемы. В аналитических обзорах, посвященных топонимическим практикам, в целях систематизации предлагают выделять два основных подхода: критический и культурологический [8, с. 74]. Соглашаясь с правомерностью подобной аналитической схемы классификации, необходимо подчеркнуть их определенное единство, взаимосвязь и взаимообусловленность. Первое, что их объединяет (и что проявляется в эмпирическом исследовании), – пространство, в котором реализуются топонимические практики. Это пространство мест. Оно, как правило, связано с местными, локальными смыслами и культурными артефактами. Идеология и политика идентичности и их проводники (политическая и культурная элита регионов, эксперты, общественные организации и социальные группы), во-первых, используют утилитарно местные культурные ресурсы, во-вторых, могут находиться под структурным давлением «культурного детерминизма», в-третьих, сами могут быть проникнуты идеями местного патриотизма. Если, например, изъять местные культурные ресурсы из топонимической политики как практики, то непонятно, на что она будет опираться, чтобы быть легитимной для местных сообществ.

С точки зрения социологии власти, городская символика, в том числе и урбанонимы, это ресурс и капитал, позволяющий установить «мягкую» форму господства в городском пространственно-временном континууме. «Территория власти нуждается в своих маркерах, включающих идеологически и политически окрашенные топонимы, знаковых фигурах исторических региональных деятелей» [9, с. 31]. Соответственно политика идентичности и памяти – разновидность социальной практики по закреплению символической власти и господства в ключевых пространствах современности. Идентичность и память «держат» место; сохраняют его от распада, запустения и исхода населяющих его людей и сообществ. В эпоху глобализации пространство потоков пытается поглотить пространство мест, сделать его незначащим не-местом, лишенным смыслов. «Сообщества (или те, кто ими руководит), как и примыкающие к ним индивиды, нуждаются в том, чтобы одновременно сохранять и идентичность, и связь с другими, и для этого они конструируют символы, составляющие общую идентичность (всей группы целиком), частную идентичность (группы или индивида по отношению к другим) и единичную идентичность (индивида или группы – в тех отношениях, в которых они не похожи ни на одну другую группу или ни на одного другого индивида)» [10, с. 57]. Для реализации данных потребностей индивиды и группы обустраивают пространство – антропологическое место, которое «является смыслообразующим принципом для тех, кто его населяет…» [10, с. 58].

Антропология мест(а) – это места идентичности, истории и отношений. А городская топонимика в виде определенного корпуса урбанонимов, как нам представляется, это символическая форма обустройства и закрепления в городском пространстве социальных практик по конструированию и деконструкции идентичности и памяти. Один из ключевых структурных элементов формирования урбанонимов – антропонимический. Идеология и политика идентичности отбирают и закрепляют корпус имен – символов в городском пространстве. Социальную науку интересуют механизм, смыслы и результаты данного отбора, посредством которого трансформируется или же, наоборот, консервируется символическая

карта города. В настоящем исследовании мы пытались выявить основные источники, структуру урбанонимов Владикавказа, а также механизм и основные направления их трансформации в контексте осетинской идентичности и памяти.

При изучении заявленной темы автор опирался на общую концепцию пространства мест, которая включает ряд признанных подходов:

а) концепцию мест памяти П. Нора;

б) теорию социального пространства П. Бурдье;

в) теоретико-методологические идеи Й. Терборна о роли столиц в обустройстве символического пространства мест;

г) концепцию антропологии места М. Оже.

Хотя настоящее исследование носит преимущественно теоретико-аналитический характер, оно опиралось на труды региональных и городских ученых Северной Осетии – Алании и Владикавказа; изучались исторический и актуальный корпус урбанонимов Владикавказа, карты и атласы столицы и республики; применялся этносоциологический анализ урбанонимов столицы РСО – Алании. Для выявления одного из источников пополнения урбанонимов Владикавказа проводился статистический и социологический анализ некрополя города – Аллеи Славы.

Ученые региона не один год изучают топонимию Осетии, в том числе и Владикавказа [11–14]. Отдельно необходимо отметить исследовательские репрезентации Ф. С. Киреева, в работах которого представлена урбанистическая история Владикавказа во всем ее многообразии – мультикультурном, социально-экономическом и политическом. «Многие улицы в нашем городе, – отмечает Ф. С. Киреев, – за свою историю сменили два, три, а то и пять названий» [11, с. 162]. Владикавказ – не единственный город, который затронули процессы топонимических трансформаций. Все столицы СКФО пережили в большей или меньшей степени изменения в структуре урбанонимов. Эпохальных периодов три: российский имперский, советский и постсоветский. За исключением Грозного и Нальчика, все остальные столицы национально-территориальных образований СКФО переименовывали неоднократно. Владикавказ, основанный как русская крепость еще в 1784 г. и получивший свое символически многозначное имя в период колонизации Кавказа, в советское время претерпел целую череду переименований: Орджоникидзе (1939–1944); Дзауджикау (1944–1954) [15, 16]; Владикавказ (1954–1990) [17].

Результаты и обсуждение. В постсоветское время Владикавказ оказался единственной столицей региона, вернувшей себе изначальное историческое название (с 1990 г. по наст. время). В постсоветский период трансформация урбанонимов Владикавказа протекала в нескольких направлениях:

1) десоветизация (поэтапное вытеснение из символического пространства осетинской столицы советских урбанонимов политико-идеологического типа – Улица 1905 г., улицы Комсомольская, Н. Буачидзе, Красного Октября и т. п.);

2) деколонизация идеологическая [18, с. 206]:

– пролонгация советского табу на мемориализацию деятелей периода военно-колониальной администрации Кавказа (Лорис-Меликов, Ермолов и др.);

3) реставрация части урбанонимов дореволюционного периода («нейтральные» символы) – улицы Рождественская, Тенгинская, Триандафилова и др.;

4) этнизация («осетинизация», «аланизация») – фундаментальное расширение корпуса урбанонимов, имеющих осетинское происхождение (культурное, милитарное, политическое, экономическое);

5) позитивная консервация внутрикавказской матрицы урбанонимов – пролонгация проекта обменных практик региональными символами;

6) воспроизводство общероссийских культурных и милитарных урбанонимов как признаваемых символов идентичности.

Общий контекст, который оказал, на наш взгляд, определяющее влияние на процесс трансформации урбанонимов Владикавказа, включал в себя:

а) распад советской идентичности и памяти;

б) подъем этнополитических и этнокультурных движений в СКФО и в РСО – Алании в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.;

в) практическая реализация проекта конструирования осетинской (аланской) идентичности;

г) последствия осетино-ингушского конфликта, сформировавшие потенциал социальной и культурной мобилизации и интеграции осетинского общества;

д) расширение законодательных полномочий регионов и городов в сфере наименований (переименований) внутри городских объектов.

Символическая карта Владикавказа исторически претерпела фундаментальные изменения. В первую очередь, речь идет о структурных трансформациях и перераспределениях в типах урбанонимов, которые доминировали в городском пространстве. Например, в официальном списке урбанонимов Владикавказа за 1911–1912 гг. [13, с. 27–28] из 167 наименований улиц, проспектов, переулков и площадей только 22 носят «именной», антропонимический характер (Александровская, Воронцовская, Верещагина, Гоголевская, Грибоедовская, Екатерининская, Ермоловская, Лермонтовская, Лорис-Меликовская, Пушкинская, Толстого и др.). В этом же списке, по нашим подсчетам, нет ни одного наименования, имеющего прямое отношение к осетинскому антропонимикону. Годонимы, комонимы, этнонимы, гидронимы Осетии в корпусе урбанонимов присутствуют, однако урбанонимы в честь осетинских или даже региональных деятелей – военных, политических – здесь еще не появились. Только советская, а особенно постсоветская, топонимическая практики восполнили данный пробел.

Советский топонимический проект в городах с идеологической точки зрения предполагал серию разрывов с урбанонимами прошлого; создание новой матрицы наименований городских объектов; продолжение символической стратификации городского пространства и существенное расширение антропонимической составляющей на карте города. Установление символического господства в сфере урбанонимов осуществлялось за счет распространения коммунистической иконографики на все ключевые части города. Это также означало реализацию проекта конструирования новой социальной и исторической памяти, которая закреплялась в новых наименованиях и переименованиях городских объектов – улиц, проспектов, площадей, скверов, парков и т. п. Функционально изменения диктовались потребностями формирования новой идентичности – советской. И столицы национально-территориальных образований играли в данном процессе одну из ключевых ролей. Идеология проекта расцвета, сближения и слияния наций практически реализовывалась на площадках столичных городов регионов. Значимость столичных центров в конструировании национальной идентичности в научной литературе рассматривается как наиболее

релевантная [19–21]. Именно здесь, как правило, сконцентрированы разнообразные ресурсы (материальные, интеллектуальные, символические), которые местные элиты используют для конструирования и воспроизводства региональной, этнической и социокультурной идентичности – идентичности, понимаемой как форма принадлежности (сопринадлежности) к социальным группам, сообществам и стране.

Постсоветская трансформация урбанонимов Владикавказа – это, по сути, третий этап в их развитии, предполагавший структурные и морфологические изменения.

Необходимо напомнить, что именно на данном этапе претерпели существенные изменения нормативно-правовая база топонимических практик и механизм принятия решений в данной области. Главное – децентрализация и перераспределение топонимических полномочий между федеральным центром, регионами и городами. После принятия ФЗ «О наименовании географических объектов» (1997) начался процесс либерализации и упорядочивания в сфере внутригородской топонимики РФ. Регионы и города получили право самостоятельно управлять процессом топонимических изменений внутригородских объектов. Иначе говоря, они получили право на символическую власть и установление символического господства на собственных территориях. Однако воспользовались данным правом только политически и социокультурно активные регионы и города. В числе них были РСО – Алания и ее столица. Надо отметить, что в дальнейшем в названный федеральный закон были внесены поправки и дополнения (2008), возвращающие ряд полномочий в сфере топонимических практик в совместное ведение Федерации и регионов, но в целом внутригородской механизм присвоения наименований (переименований) не изменился.

Если в дореволюционный период количество антропонимических урбанонимов во Владикавказе составляло около 15 %, то к 2019 г. оно превысило 45 % [22]. Из 406 официальных урбанонимов 191 имеют антропонимический характер, в том числе 67 – этнонимический (осетинские наименования). Если к осетинским по происхождению урбанонимам-антропонимам добавить: урбанонимы из корпуса осетинской географической топонимии – ойконимы, гидронимы; этнонимы (ул. Осетинская, Аланская, Иристонская и др.), а также урбанонимы, образовавшиеся для увековечивания памяти деятелей различных периодов, внесших значимый вклад в историю Осетии, то локальная составляющая в структуре владикавказских топонимов значительно возрастает. В населенных пунктах городского округа Владикавказа [13, с. 86–95] и с учетом столицы РСО – Алании всего, по нашим подсчетам, имеется 563 официальных урбанонима, среди которых 196 носят антропонимический характер. Из этого количества именных топонимов 72 – это этноосетинские наименования; 32 – локальные (в честь выходцев из Осетии или лиц, внесших весомый милитарный, политический и культурный вклад в историю региона и города). Ключевые урбанонимы – антропонимы, ойконимы и гидронимы – и в количественном, и в качественном смыслах концентрируются, конечно же, во Владикавказе. Урбанонимы осетинской столицы, сформированные на антропонимической основе, опираются в свою очередь не только на этничность или же общую принадлежность к Осетии, но и на определенные признаваемые разновидности капиталов. Для того чтобы заслужить мемориализацию в городском социальном пространстве, «претенденты» должны, как правило, обладать основными видами капитала – политическим, социальным, экономическим, культурно-символическим и др. Именно объем и структура капитала, согласно логике П. Бурдье [1, с. 70], релевантны для социальных практик по конструированию социального пространства. В рамках данного подхода антропони-

мические урбанонимы Владикавказа, на наш взгляд, с количественной точки зрения можно распределить на три относительно равные группы:

1. Урбанонимы в честь лиц, обладающих милитарным капиталом (известные в России и в Осетии военные, Герои Советского Союза, участники ВОВ, космонавты и т. п.).

2. Урбанонимы, которые несут память о носителях политического капитала (известные революционеры, государственные и партийные деятели советского периода и т. п.).

3. Урбанонимы в память людей – носителей культурно-символического капитала (писатели, поэты, ученые, артисты, спортсмены, религиозные деятели).

Суммарно третья группа чуть-чуть опережает остальные две. Вторую позицию занимает милитарный капитал, третью – политический. Что же касается других видов капитала, например, экономического, то он находится в абсолютно периферийном положении в структуре урбанонимов-антропонимов. При изучении основных захоронений на Аллее Славы Владикавказа можно прийти к выводу о том, что и здесь доминирует увековечивание памяти о носителях культурного и милитарного капиталов.

Процессы реставрации и десоветизации урбанонимов во Владикавказе не носят тотальный характер, скорее, точечный и идеологически противоречивый. Из одиннадцати агоронимов восемь [50-летия Октября, Героев, Ленина, К. Маркса, Победы, Революции, Свободы, Штыба] продолжают носить советские названия, хотя у части из них есть и свои исторические и обиходные наименования [13, с. 95].

На наш взгляд, некая консервация советской символики во Владикавказе объясняется не фундаментальной приверженностью идеям коммунизма, фигурам, их олицетворявшим, а совершенно другими обстоятельствами. Первое связано со структурой альтернатив, которые инициативные группы предлагают на замену: родственно-клановые варианты, этнические и т. п. Подобный размен устраивает не всех жителей Владикавказа («неравноценный обмен»). Отсюда стратегия сохранения прежних значимых названий. Отторжение не вызывают общенациональные символы РСО – Алании (знаменитые военачальники, деятели культуры, науки и т. п.). Топонимические конфликты порождают попытки мемориализовать советских политических деятелей местного масштаба, значимость которых потеряла свою символическую стоимость. Самый известный топонимический конфликт был во Владикавказе в 2005 г. по поводу переименования улицы Августовских событий в честь К. Кулова. Местные жители, несогласные с подобным топонимическим переделом, оспорили через суд данное решение и добились восстановления прежнего названия в 2010 г. [13, 23, 24].

Кейсы с переименованиями улиц во Владикавказе – это примеры борьбы и противостояния различных групп города за свои символы. Это также примеры консенсуса, солидарности и согласия в отношении символической карты города в части ее урбанонимов. Как мы уже отмечали, соотношение сил в символическом поле определяется объемом и структурой капиталов групп, которые пытаются занять видимые, престижные и, желательно, центральные позиции в социальном пространстве. Поэтому в механизме топонимических изменений наряду с институциональными ресурсами важен социальный вес (влияние) агентов топонимических практик. Одним из показательных в рассматриваемом смысле примеров успешной реставрации прежнего дореволюционного урбанонима является история переименования улицы имени П. Л. Войкова. Ранее, в досоветский период, она носила иное название и именно на ней изначально и поныне располагается храм Рож-

дества Пресвятой Богородицы г. Владикавказа. Длительный период НКО «Русь» безуспешно пыталась вернуть ей исконное имя. Однако только после обращения архиепископа Владикавказского и Аланского Леонида к властям города вопрос получил свое практическое разрешение. В свою очередь ресурсный вес одного из иерархов РПЦ в регионе связан с общим повышением роли и значения РПЦ в стране в последнее время.

Заключение. Осетинская идентичность и память применительно к официальным урбанонимам Владикавказа представляет собой многослойное образование – историческое, социальное, культурное и политико-идеологическое. Современная структура урбанонимов столицы РСО – Алании включает в себя:

1. Осетинские урбанонимы-антропонимы (этнические) – это наиболее динамическая часть городской топонимики.

2. Урбанонимы территориально-регионального и социального характера (по принадлежности к Осетии как малой родине; пространству профессиональной деятельности; по вкладу в историю Осетии и т. п.).

3. Осетинские географические урбанонимы (ойконимы, гидронимы и др.).

4. Кавказские региональные урбанонимы и урбанонимы-этнонимы.

5. Общефедеральные урбанонимы – культурные, милитарные и политические.

Общим социальным условием сохранения и нового включения, в том числе и реставрации корпуса урбанонимов Владикавказа, является объем и структура капитала мемориализированных индивидов и групп. В столице РСО – Алании в городской топонимике количественно доминируют носители культурного капитала (писатели, поэты, артисты, ученые, спортсмены). Вторую позицию занимают носители милитарного капитала (военные, космонавты и др.). Тройку замыкают урбанонимы в честь политических деятелей различных периодов страны, региона, столицы республики (революционеры, чиновники администраций различного уровня, партийные и хозяйственные субъекты). В советский период структура урбанонимов Владикавказа была иной: первую позицию со значительным перевесом занимали носители политического капитала. Соответственно можно говорить о снижении в постсоветский период стоимости политического капитала старого типа. Урбанонимы воспроизводят социальную иерархию и стратификацию осетинского общества; общую идентичность; историческую и коллективную память осетин. Урбанонимы – объект борьбы различных социальных групп РСО – Алании за господство в символическом пространстве Владикавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

2. Тхакахов В. Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социол. исслед. 2017. № 5. С. 17–25.

3. Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Магаса // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 3. С. 62–67.

4. Тхакахов В. Х. Топонимическая трансформация идентичности и памяти в КБР: Нальчик // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 73–80. DOI: 10.18522 / 2072-0181-2018-96-4-73-80.

5. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

7. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

8. Терентьев Е. А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналит. обзор // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2014. № 3. С. 73–86.

9. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004.

10. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

11. Киреев Ф. С. По улицам Владикавказа. 2-е изд., доп. и перераб. Владикавказ: Респект, 2014.

12. Ларина В. И. Их именами названы улицы. 2-е изд., доп. Орджоникидзе: Ир, 1979.

13. Таутиев К. Ц. Исторический атлас Владикавказа. 1784–2016. Владикавказ: Издательский дом «Терские Ведомости», 2016.

14. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 2010.

15. Орджоникидзе // Большая советская энциклопедия: в 50 т. 2-е изд. Т. 31 / гл. ред. Б. А. Введенский. М.: Сов. энцикл., 1955. С. 173.

16. Дзауджикау // Большая советская энциклопедия: в 50 т. 2-е изд. Т. 14 / гл. ред. Б. А. Введенский. М.: Сов. энцикл., 1952. С. 246.

17. Владикавказ // Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т. IV (1) / гл. ред. А. Д. Некипелов. М.: ООО «Изд-во «Энциклопедия»: «ИД «ИНФРА-М», 2008. С. 46.

18. Нора П. Всемирное торжество памяти / пер. с фр. М. Сокольской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202–208.

19. Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства / пер. с англ. А. М. Хохловой // Журн. социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 20–40.

20. Therborn G. Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London and NY: Verso, 2017.

21. Вершинина И. А. Репрезентация власти в городском пространстве: концепция Йорана Терборна // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2018. Т. 18, № 2. С. 226–237.

22. Список всех улиц Владикавказа. URL: https://mapdata.ru/severnaya-osetiya/vladikavkaz/ulicy/ (дата обращения: 25.04.2019).

23. Киреев Ф. Суд вернул улице Владикавказа прежнее название – Августовских событий // Осетия-Квайса. 19 ноября 2009 г. URL: http://archive.Kvaisa.ru/news/show/22/704/print (дата обращения: 25.07.2019).

24. Киреев Ф. В улицах Владикавказа должна жить вся наша история // Осетия-Квайса. 06 сентября 2010 г. URL: http://osetia.Kvaisa.ru/1-rubriki/8-svobodnaya-tribuna/v-ulicax-vladikavkaza-dolzhna-zhit-vsya-nasha-istoriya (дата обращения: 25.07.2019).

Информация об авторе.

Тхакахов Валерий Хазраилович – доктор социологических наук (2003), профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, 191124, Санкт-Петербург, Россия. Автор 65 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология города, социология российской идентичности, социология Северного Кавказа. ORCID: https:orcid.org/0000-0002-4220-4648. E-mail: atalik7@yandex.ru

REFERENCE

1. Bourdieu, P. (2005), *Sociologie de l'espace social*, Transl. by Shmatko, N.A., Institut eksperimental'noi sotsiologii, Moscow, Aleteiya, SPb, RUS.

2. Thakahov, V.Kh. (2017), “Map of the City: the Symbolic Transformation in the North Caucasian Space”, *Sociological Studies*, no. 5, pp. 17–25.

3. Thakahov, V.Kh. (2018), “Identity and memory in urbanonyms of Magas city”, *Obshchestvo. Sreda. Razvitie,* no. 3, pp. 62–67.

4. Thakahov, V.Kh. (2018), “Toponymic transformation of identity and memory in KBR: Nalchik”, *Scientific Thought of Caucasus,* no. 4, pp. 73–80. DOI: 10.18522 / 2072-0181-2018-96-4-73-80.

5. Assman, A. (2014), *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, Transl. by Khlebnikov, B., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

6. Assman, A. (2016), *Das Neue Unbehagen An Der Erinnerungskultur,* Transl. by Khlebnikov, B., Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, RUS.

7. Assman, A. (2017), *Ist Die Ziet Aus Den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne,* Transl. by Khlebnikov, B., Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, RUS.

8. Terent'ev, E.A. (2014), “Place – (Re)naming Practices as an Object of Sociological Study: an Analytical Overview”, *RUDN Journal of Sociology,* no. 3, pp. 73–86.

9. Remnev, A.V. (2004), *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX- nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial geography of power in 19th- early 20th centuries], Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, Omsk, RUS.

10. Augé, M. (2017), *Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la survodernité,* Transl. by Konnov A.Yu., Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, RUS.

11. Kireev, F.S. (2014), *Po ulicam Vladikavkaza* [In the streets of Vladikavkaz], 2nd ed., Respekt, Vladikavkaz, RUS.

12. Larina, V.I. (1979), *Ih imenami nazvany ulicy* [Streets are named after them], 2nd ed., Ir, Ordzhonikidze, USSR.

13. Tautiev, K.C. (2016), *Istoricheskij atlas Vladikavkaza. 1784-2016* [Historical atlas of Vladikavkaz. 1784-2016], Izdatel'skii dom «Terskie Vedomosti», Vladikavkaz, RUS.

14. Cagaeva, A.Dz. (2010), *Toponimiya Severnoj Osetii* [The toponymy of North Ossetia], Ir, Vladikavkaz, RUS.

15. Vvedenskii, B.A. (ed.) (1955), *Ordzhonikidze* [Ordzhonikidze], *Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya* [Big Soviet Encyclopedia], in 50 vol. 2nd ed., vol. 31, Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya, Moscow, RUS, p. 173.

16. Vvedenskii, B.A. (ed.) (1952), *Dzaudzhikau* [Dzaudzhikau], *Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya* [Big Soviet Encyclopedia], in 50 vol. 2nd ed., vol. 14, Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya, Moscow, RUS, p. 246.

17. Nekipelov, A. D. (ed.) (2008), *Vladikavkaz* [Vladikavkaz], *Novaya Rossijskaya Enciklopediya* [New Russian Encyclopedia], in 12 vol., vol. IV(1), Izdatel'stvo Enciklopediya, Moscow, RUS, p. 46.

18. Nora, P. (2005), “L’avènement mondial de la mémoire”, Transl. by Sokol'skaya M., *Neprikosnovennyi zapas,* no. 2–3 (40–41), pp. 202–208.

19. Therborn, G. (2013), “Understanding Cities: The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities”, Transl. by Khokhlova, A.M., *The Journal of Sociology and Social Anthropology,* vol. 16, no. 1, pp. 20–40.

20. Therborn, G. (2017), *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global,* Verso, London, UK, N.Y., USA.

21. Vershinina, I.A. (2018), “Representation of power in the urban space: Göran Therborn’s theory”, *RUDN Journal of Sociology,* vol. 18, no. 2, pp. 226–237.

22. S*pisok vsekh ulic Vladikavkaza* [List of all streets in Vladikavkaz] (2019), available at: https://mapdata.ru/severnaya-osetiya/vladikavkaz/ulicy/ (accessed 25.04.2019).

23. Kireev, F.S. (2009), “The court returned the former name – Of August Events – to a street in Vladikavkaz”, *Osetiya-Kvajsa*, November 19, available at: http://archive.Kvaisa.ru/news/show/22/704/print (accessed 25.07.2019).

24. Kireev, F.S. (2010), "Entire history of Vladikavkaz should live in its streets", *Osetiya-Kvajsa*, September 6, available at: http://osetia.Kvaisa.ru/1-rubriki/8-svobodnaya-tribuna/v-ulicax-vladikavkaza-dolzhna-zhit-vsya-nasha-istoriya (accessed 25.07.2019).

Information about the authors.

Valeriy Kh. Tkhakakhov – Dr. Sci. (Sociology) (2003), Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, 1/3 Smolny str., St Petersburg 191124, Russia. The author of 65 scientific publications. Area of expertise: urban sociology, sociology of Russian identity, sociology of North Caucasus. ORCID: https:orcid.org/0000-0002-4220-4648. E-mail: atalik7@yandex.ru